

Читайте в серии «**ДОМ ТЬМЫ**»:

Дельфина Бертолон

Та, что приходит ночью

Джулианна Брандт

Легенда о старом маяке

Линдси Карри

Город кошмаров

Александр Матюхин

Город спящих

Аника Мроуз Рисси

Давай играть

Елена Усачёва

Мёртвая свадьба

Эва Франц

Малиновый холм, или Дом страха

Александра ПУШКИНА

Ника МИЛОСЕРДОВА

ХИЩНАЯ КОРЕЙКА

Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П91

В дизайне внутреннего макета использованы
элементы оформления: GreenSkyStudio, Tanarch,
DiubuaAnastasiia / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Пушкина, Александра Николаевна.

П91 Хищная кофейня / Александра Пушкина,
Ника Милосердова. — Москва : Эксмо, 2024. —
192 с. : ил. — (Дом тьмы).

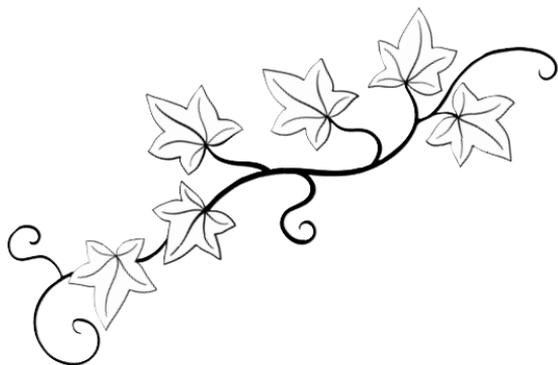
ISBN 978-5-04-194992-1

Готов ли ты ради исполнения самого заветного
желания расстаться с милой сердцу безделицей?
Заря, хозяин таинственной кофейни, предлагает та-
кой выбор каждому заглянувшему в неё подростку.
Только никто из них не догадывается, что после это-
го можно потерять самое дорогое в жизни...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пушкина А., текст, 2024
© Милосердова Н., текст, 2024
© Хромова Н., иллюстрации, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194992-1

Пролог

ОЮНА

По краю ворсистого покрывала плясали смешные человечки. Бурые, красные, зелёные. Бабушка называла их орнаментом. Она сама вышила его, за что Оюна любила человечков ещё сильнее.

«Ранее раннего, прежде прежнего...»

Разгладив складки на пижаме, Оюна аккуратно сложила её и убрала на полку в шкаф.

«В изначально-далёкие, древние времена, когда высокое небо было покрыто туманной дымкой...»

На тумбе, втиснутой между двумя маленькими кроватями, лежал плетёный кружок с яркой бусинкой и «хвостом», на котором был вышит белый коник. Оюна подняла его и покрутила в ладошке, любуясь на игру солнечного света в круглых боках янтаря.

— Оюна! — позвала из коридора мама. — Пора идти, в садик опоздаем!

Оюна знала, что мама беспокоится зря. Она всегда вставала и собиралась заранее. Не то что один знакомый мальчик, любивший поспать подольше, за что частенько получал нагоняй в школе. Как же его звали? Имя ускользало, рассыпаясь пылинками в солнечном луче. Почему-то вдруг стало очень грустно.

Бабушкин оберэг с бусиной переключевал в кармашек комбинезона, и Оюна вышла к маме, суетливо собиравшейся в прихожей.

На улице всю пахло летом, хотя календарь показывал осень. Жаль, что отдохнуть они поедут только в следующем августе, ведь у родителей — работа. Ну ничего! Девочка любила свой шумный, пропахший бензином город. Любила и тенистые скверы, и тихие парки. И гранитные набережные большой реки, и дуги мостов над малыми протоками. И древние шпили, и величественные колонны. И даже здания-коробочки, собранные из стекла и пластика.

— Быстрее, Оюна! — привычно торопила мама. — Ну, боже мой, до чего ты медленная!

— Мама!

Слово принёс ветер. Оюна покрутила головой в поисках того, кто это сказал. Худой одиннадцатилетний мальчишка — широко-

лицый, темноволосый, с красивыми чёрными глазами, похожими две рыбки, развёрнутые хвостиками к вискам. В летней ещё, грязноватой куртке, с портфелем — школьник, наверное. Смотрел прямо на них. На маму. Та вздрогнула, повернулась. Её губы исказила слабая улыбка:

— Ты обознался.

Слова прозвучали тихо, неуверенно, но мальчик услышал.

— Нет! — Он будто задохнулся. В глазах сверкнули слёзы, голос задрожал. — Нет... мама, это я, мам!

— У меня нет сыновей, — будто извиняясь, ответила мама. — Но, если ты потерялся, я могу... — Она бросила взгляд на часы, выдохнула, как будто собираясь выпить противное лекарство. — Могу отвести тебя в ми... в полицию. Там найдут твоих родных. Только быстрее.

— Мама, это потому, что я не хотел делать уроки, да? — Бисерины слёз скатились по щекам мальчика, оставляя мокрые дорожки. — Прости... я больше никогда так не буду, честно!

— Я не... — хрипло и с усилием проговорила мама. — Я не твоя мама...

А Оюна, сама не понимая почему, отпустила мамину руку и сделала шаг навстре-

чу мальчику. Она знала его. Вот только имя ускользало. Но ничего, ещё немного и...

Вдруг, будто из-под земли, рядом с мальчиком вырос незнакомый мужчина. Золотоволосый, в облегающем зелёном пальто, блестящем, как чешуя на солнце. А глаза у него были ледяные, словно выточенные из голубого льда. Очень красивый! Но какой-то фальшивый, будто восковая статуя в музее или ожившая кукла.

Мужчина положил руку мальчику на плечо. Тот вздрогнул.

— Простите, это наш воспитанник, — произнёс незнакомец бархатистым голосом и улыбнулся, — Он всё время убегает и пристаёт к женщинам на улице. Маму себе ищет.

— Пусти! — Мальчишка дёрнулся, но мужчина держал крепко.

— Ты видишь, у этой женщины уже есть дочка, — вкрадчиво сказал он. — И сын ей не нужен. Особенно такой непутёвый, как ты.

Мама рассеянно прижала руки к груди и выпалила скороговоркой:

— Может, вам нужна какая-то помощь? Я бы могла...

— Нет, что вы. У нас хорошее финансирование. Мне стыдно, что наш воспитанник бегаёт по дворам, как беспризорник, —

мужчина скривился. На мгновение его лицо превратилось в уродливую маску, по скулам будто прокатилась волной чешуя. Но стоило Оюне моргнуть, как это ощущение исчезло.

— Ну ничего, — продолжил незнакомец, сильнее сжимая мальчика за плечо. — Мы всё поправим. А вы можете идти.

Мама быстро взяла Юну за руку и потянула в сторону детского сада:

— Давай, Оюна, ничего, о мальчике позаботятся, всё будет хорошо, — она как будто успокаивала сама себя. А Оюна вдруг заметила, что по её щекам бегут слёзы. Девочка обернулась, но ни мальчика, ни мужчины в зелёном пальто уже не было. Только обжигал ладошку бабушкин оберег в кармане, а в голове звучали слова:

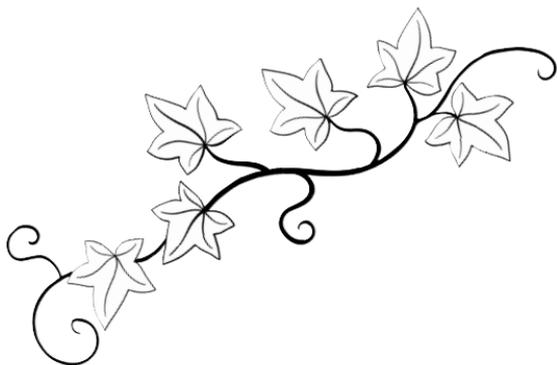
«Когда огромный мир, ещё не разделённый на небо и землю, был покрыт водой и когда не существовало ещё десяти тысяч небесных божеств, появилась Старшая богиня-мать. Разделила она пространство и время. И сотворила свет и отделила его от тьмы. И стало это творение началом бесконечного времени. В небо Старшая богиня выпустила гигантского змея с двадцатью семью головами и тридцатью тремя хвостами. И стал он прародителем и царём всех змей».

Бабушка лукаво улыбается. А сидящий рядом с ней мальчик спрашивает:

«Ба, но ведь его победил великий герой!»

«Победил, но племя змеево расплозлось по всей земле. Порой и не поймёшь, кто перед тобой. Но есть оберег, который и защитит, и подскажет. На вот, носи. Один — для тебя, а второй — для Оюны».

Глава 1

ЛЯНА

Алисой восхищались все. Правда, у девочек к восторгу примешивалось кое-что ещё, едкое и злое. «Наверняка волосы красит, — бурчали завистницы. — И тональника у неё на роже с палец!» Но Ляна знала, что это ложь. Алисины волосы блестели рыжей медью без всякой краски, а щёки и лоб были гладкими даже после занятий в бассейне, где ни один тональник не удержится. Ни веснушки, ни прыщика. Магия, не иначе! А фигура? Ну хоть сегодня на обложку модного журнала.

Ляна с жадностью разглядывала отражение Алисы в зеркале раздевалки. Даже сейчас, после занятий по плаванию, рыжая восьмиклассница оставалась идеальной. Жаль только рассматривать её постоянно мешало маячившее на переднем плане пугало. Толстая коротышка с лицом-тыквой

и идиотским носом, который мама называла курносый, а мальчишки во дворе — куриным. Глазки — маленькие тёмные дыры. Рот — жабий. Волосы — старая серая пакля. Да ещё эти дурацкие клипсы с лягушачьим хризолитом! Оторвав взгляд от собственного отражения, Ляна резко стащила ненавистное украшение с ушей и наклонилась над рюкзаком, чтобы забросить клипсы в пенал.

Ей в жизни не повезло. Ни с лицом, ни с фигурой, ни даже с именем и фамилией. Это же надо было родиться Ульяной Зезелиной! В школе она, конечно, пыталась не откликаться на дурацкое полное имя, приучая всех к звучному и по-иностранному загадочному обращению Ляна. Но потом мама при всех назвала её Улечкой, и понеслось! Улитка, Улей, Пчеломатка, Улёт — одноклассники так развлекались, меняя её имя, что даже на время забросили шуточки о жабьей внешности.

Вот почему родители не могли назвать её нормально? Например, Алисой. Тогда она бы тоже выросла красивой и смелой. Тогда не пришлось бы терпеть издевательства. Вот Алиса не терпела. Она и Ляну спасла однажды. Проходя по школьному коридору мимо парней, пинавших портфель Жабьей-улитки,

рыжая красавица легко разогнала их меткими насмешками.

— Держи, — сказала Алиса и бросила заплаканной Ляне её портфель, а потом просто ушла, оставив спасённую задыхаться от смеси благодарности и зависти.

С тех пор Ляна старалась держаться поближе к Алисе, жадно перенимая её повадки и манеру одеваться. Это было не так-то просто, ведь их разделяло целых два года разницы. Лучшее, что Ляна смогла придумать, — тоже записаться в школьный бассейн. Мама даже выделила на это средства, одоббив тягу дочери к спорту. Зато, когда Ляна на собственные деньги купила на распродаже великолепные «почти как Алисины» серёжки, в семье случился скандал. На следующий день, когда мама кому-то отдала её драгоценность, а взамен притащила клипсы, он только разросся. Клипсы были такие же, как у неё: с дурацкой позолотой и лягушачьим хризолитом. Ульяна носила их, чтобы сохранить хрупкий семейный мир. Но сама это украшение искренне ненавидела.

Тем временем у Алисы появилась помада.

Великолепная, бархатисто-вишнёвая, в матовом золотом коробе с брендовым завитком на боку. Она превращала просто кра-

сивую девушку в настоящую девушку-вамп. Ляна тоже мечтала о таком чуде, но, когда нашла в интернете магазин, где продавали такую помаду, едва не упала со стула, а потом несколько раз перезагрузила браузер в надежде, что на странице закралась ошибка. Увы, ценник оставался непомерно большим. И думать нечего на такую накопить.

Но тогда откуда она у Алисы?

Ляну грыз этот вопрос. Кажется, в ответе крылся секрет успеха. Девочка снова представила, что сама красит губы волшебной помадой, как вдруг услышала звяканье и возглас:

— Вот чёрт!

Ляна обернулась. Алисина сумка валялась на полу. По всему полу раздевалки разлетелись тетрадки, ручки и выпавшая косметика. В глаза сразу бросился золотой тюбик с завитком. Он будто специально подкатился к ногам Ульяны, так что девочка смогла поднять его, даже не сходя с места. Дрожащими руками она открыла колпачок. Пахла помада божественно — это был невесомый цветочно-ягодный аромат.

— Отдай, — Алисин голос хлестнул, словно кнут. Не просьба, приказ.

— Ой да... — засуетилась Ляна, кое-как закрывая колпачок и протягивая обратно

роскошную помаду. — На, держи! Я помочь хотела...

Она потупилась и ссутулилась, ожидая насмешек или обвинений. Однако Алиса только усмехнулась:

— Нравится?

Ляна остолбенела. Благоговейный трепет не давал говорить, но мысль, что сама Алиса ждёт от неё ответа, всё-таки заставила выпалить:

— О... очень!

— Да, это хорошая помада, — Алиса небрежно кинула футляр в сумку, — но тебе всё равно не пойдёт. Не тот тон лица.

Уши Ляны запыхали. Ей показалось, что другие девочки в раздевалке тихо захихикали. Фраза звучала приговором. Конечно, она не такая. Если на её уродской фигуре криво сидит даже красивая одежда, то почему с косметикой всё должно быть иначе? Не тот тон лица, тип фигуры, всего! Из горла рвались всхлипы, но нельзя! Нельзя было реветь при других. Оставалось лишь обхватить себя руками и тихонько опуститься на скамью. На счастье, другие девочки не обращали на неё внимания, полностью поглощённые сбором Алисиных вещей. Та благодарила каждую лёгким кивком.